

УДК 101.1:316

МИФОЛОГИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРИЧИН АКТУАЛИЗАЦИИ МИФОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ОБЩЕСТВЕ

А.Л. Сафонов

ФГБОУ ВО «Московский государственный областной университет»,
г. Москва

Статья посвящена определению причин актуализации мифологических представлений в обществе. Предметом исследования является динамика изменений в социуме и процессы взаимодействия мифов и науки, которые приводят к росту мифологических представлений об окружающей реальности. В результате исследования показано, что мифологическое сознание постоянно обновляет образную групповую картину мира. Наука возникает на основе постоянного выделения из вновь возникающих мифологических представлений интересующего знания о реальности. Особенно ярко это проявляется в тех условиях, когда разрушаются привычные причинно-следственные связи. Процессы глобализации также способствуют созданию новых мифов. Они разрушают ясную научную картину мира, ослабляют государство и нацию, усиливают значение этнокультурных общностей, что приводит к актуализации этнических мифов и к расширению мифологических представлений о мире. Все это способствует общей мифологизации общественного сознания.

***Ключевые слова:** миф, мифологическое сознание, магия, кризис науки, развитие науки, этнические мифы, формы мышления, глобализация, картина мира.*

Современная эпоха характеризуется кризисом науки и снижением ее роли в жизни общества, а также резким усилением различного рода религиозных и мифологических представлений о мире и динамике его развития.

Одна из причин актуализации мифологического сознания заключается в структуре и генезисе науки. Изначальной формой обобщения процессов бытия была мифология. На ее основе, по мере накопления и обобщения знаний локальными культурами, возник такой феномен, как наука. Она, как социальный феномен, возникла на этапе перехода Человечества к цивилизационной форме развития, являясь как ее порождением, так и ее первоисточником. Предпосылки появления науки содержатся в мифе, который является первичным способом осознания и структурирования окружающей действительности, доступным для традиционного общества. В нем присутствует эмоциональное видение окружающего мира, дающее представление индивидууму о единстве и всеобщей связи между предметами и явлениями. Миф не делит мир на живые и неживые объекты. В них мир субъективен. Персоналии, действующие в мифах, антропоморфны – если не по внешнему виду, то по своему поведению, которое, как правило, социально. Причинность и взаимосвязь явлений обычно выражена в понятной для традиционного общества форме биологического родства, «генезиса»

в его буквальном смысле. Классическим примером мифа является поздняя мифология древнегреческого мира, систематизированная в поэмах Гомера и Гесиода, в которых Хаос, Океан, боги и т. д. имеют антропоморфный характер и действуют подобно живым существам. Гесиод описывает существующий универсум как развитие генетически связанных субъектов, персонифицирующих природные явления и силы: «Прежде всего во вселенной Хаос зародился, а следом Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный, Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах глубоких, И, между вечными всеми богами прекраснейший, – Эрос. Сладкоистомный – у всех он богов и людей земнородных Душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает. Черная Ночь и угрюмый Эреб родились из Хаоса. Ночь же Эфир родила и сияющий День, иль Гемеру: Их зачала она в чреве, с Эребом в любви сочетавшись. Гея же прежде всего родила себе равное ширью Звездное Небо, Урана, чтоб точно покрыл ее всюду...» [5, с. 22].

Мифологическое мышление позволяет видеть мир как систему ассоциативно связанных образов, не имеющую явной структуры. При этом склонность к мифологическому, образному восприятию мира является сущностным атрибутом человека и отражает необходимость индивида видеть окружающий мир в единстве, во всеобщей связи предметов и явлений.

Описывая окружающую действительность как систему узнаваемых образов, привязанных к словесным стимулам, миф формирует психику, которая становится способной оперировать все более абстрактными образами явлений и предметов, т. е. является одним из основных факторов, благодаря которому происходит интериоризация индивидуума.

Б. Малиновский видит в феномене мифа способ обоснования жизненной практики и «увекочивании тех деяний, которые совершаются в настоящий момент, но достойны стать сохраненными подобно деяниям предков» [3, с. 82].

Миф также «выражает, укрепляет и кодифицирует веру; он оправдывает и проводит в жизнь моральные принципы; он подтверждает действительность обряда и содержит практические правила, направляющие человека» [11, с. 99]. Именно миф является теоретической основой магических ритуалов, в которых, наряду с действиями участников и использованием ими различных речевых приемов, всегда можно найти существование некоего «мифологического подтекста» [11, с. 77].

Примерно такого же мнения придерживается и классик культурологии традиционного общества Дж. Фрезер, считающий одной из основных задач мифа объяснение и толкование ритуалов религиозных и магических практик: «Наибольшей выразительности и точности в деталях миф достигает в том случае, когда он служит, так сказать, либретто для спектакля, который разыгрывают участники священного обряда» [16, с. 125].

Процесс создания мифов определяется свойством психики индивида. К. Юнг говорит о мифах как об архетипах, т. е. о коллективной форме осознания мира. Они представляют собой «устойчивые схемы или фигуры, составляющие предпосылку и возможность психических образов, имеющие бессознательный, априорный, сверхиндивидуальный характер» [8, с. 34]. Архетип же в значительной степени является неким глубинным шаблоном для построения мифологем, которые представляют собой «развернутый образ архетипа, логически структурированный архетип» [6, с. 164].

В основе мифа лежит опыт непосредственного эмоционального восприятия, зафиксированного и передаваемого в виде образного мышления и сопровождающегося аффективными переживаниями и оценками. Все это придает мифу особую достоверность, не требуя от субъекта систематических знаний. Развитие мифологии, как средства формирования единой для группы образной картины мира, объединенной в форме вербальных конструкций, содействовало становлению понятийного аппарата и абстрактного мышления, которое и способствовало возникновению науки. Подчеркнем, что развитому мифу присущи элементы системности, логики и причинности, сближающие миф с ранними формами научного мышления.

Мифы имеют выраженную практическую направленность и не только формируют образы окружающего мира, но и диктуют способы активного воздействия на него. Такие представления о действительности приобретают социальное значение в силу того, что становятся теоретическими обоснованиями магических практик. Они же, в свою очередь, являются технологией активного воздействия на мир через правящие им трансцендентные сущности.

Согласно Б. Малиновскому, магия представляет собой «практическое искусство... состоящее из действий, которые являются только средствами достижения цели» [11, с. 86]. Источником развития магии была повседневная практика, в которой выделялись рецепты успешных действий. В дальнейшем они закреплялись в форме навыка, а затем – традиции. Характерно, что ритуализация и передача успешных действий характерна для высших животных, обладающих развитыми функциями психики.

В ходе социальной эволюции, накопления и систематизации успешного опыта обыденной практики вырабатываются магические ритуалы. Согласно Дж. Фрезеру, они основываются на соблюдении «закона подобия» и «закона соприкосновения или заражения» [16, с. 20].

«Закон соприкосновения» предполагает, что при контакте или сближении между предметами возникает определенная связь, через которую, с помощью магических практик, можно воздействовать на другие объекты и людей, которые взаимодействовали или хотя бы раз соприкасались с данными вещами. На основе этого закона основываются многочисленные колдовские и религиозные практики.

«Закон подобия» можно трактовать двояко. С одной стороны, он исходит из того, что следствие подобно вызывающей ее причине. На этом основании возникает так называемая «гомеопатическая магия». С другой стороны, «закон подобия» означает, что подобные причины приводят к похожим следствиям (принцип аналогии). В то же время именно на основе «закона подобия», часто основанного на ложной причинности, прошло зарождение принципов прикладной науки, выработка весьма сложных и совершенных даже с точки зрения современной науки технических и технологических приемов, примером чего является алхимия.

Джамбаттиста делла Порта писал: «Магия есть не что иное, как знание всех природных процессов... Я утверждаю, что это искусство исполнено многих знаний, множества тайн; оно открывает нам свойства и качества скрытых вещей, а также знание всех природных процессов; оно научает нас видеть при помощи согласия или разногласия между вещами: так, что мы должны либо

разъединять их, либо соединять таким образом, чтобы совершать удивительные деяния, которые люди несведущие называют чудесами» [1, с. 2].

Магия представляет собой слабо детерминированное знание, существующее вне поля классически понимаемой причинности. Центральным звеном, определяющим причинно-следственные связи в магических ритуалах и практиках, является именно субъект, обладающий знанием, позволяющим обращаться к высшим силам, способным изменять обычный порядок взаимосвязи явлений.

Магические практики, даже в форме индивидуальных действий, всегда носят коллективный, социальный характер. Индивиды, которые проводят обряды, «лишь присвоили себе коллективные силы» [12, с. 178]. Сфера магической деятельности представляет собой «занятие изолированного индивида, однако то, что находит в ней свое выражение, происходит от самого общества. Магические представления — это, прежде всего, коллективное событие, нежели социальное оформление неких индивидуальных интенций» [18, с. 43]. Процесс развития данных представлений потребовал расширения передачи и кодификации знаний. В результате этого в рамках магии и в ее мифологическом обосновании стало постепенно выделяться и обобщаться интересубъектное знание, так, как это было в процессе возникновения, становления и развития алхимии и медицины. Практики, основанные на «законе подобия», способствовали преобразованию эмоционально-целостного восприятия мира в научное мышление. То есть, по мере их трансформации в науку, стало формироваться то объективное знание, которое не зависело от личности индивида и являлось относительно одинаковым для всех членов возникающего ученого сообщества. Опираясь на интересубъектное системное видение мира, мифологическое мышление в ряде случаев (но далеко не всегда) стало эволюционировать в научное знание.

Из мифологии и магии, в процессе развития этих форм сознания, начинают выделяться философия и наука. Они возникают в тот период, который К. Ясперс назвал «Осевым временем» [17, с. 32–50]. В своей концепции, описывая процессы зарождения новой действительности, он выделяет особый исторический период, в котором «классические» философские и религиозные учения возникли практически одновременно в основных цивилизационных центрах того времени. Создавая свое учение К. Ясперс, как выдающийся представитель европейской философии, смог выйти за пределы европоцентризма, найти единство в несхожих мировых цивилизациях и переосмыслить мировую историю с надцивилизационной точки зрения.

Возникновение «Осевого времени» стало возможным вследствие становления непрерывного предглобального трансцивилизационного пространства, связанного караванными и морскими путями. То есть появилась «Большая Ойкумена», в которой шло постоянное и весьма тесное взаимодействие и конкуренция возникших цивилизаций. С этой точки зрения одновременное создание основных религиозно-философских учений, определивших ход истории последних двух тысячелетий, глубоко закономерно. Данное явление отражает начало постоянного конкурентного взаимодействия основных цивилизационных центров Старого Света. Созданные в тот период религиозно-философские доктрины подготовили и предвосхитили развитие теоретических конструкций на два тысячелетия вперед.

Глубинную общность доктрин «Осевого времени» К. Ясперс увидел в историческом прорыве от мифа к логосу, от архаичной традиции к рациональности, от нерасчлененности непосредственного восприятия к философской рефлексии. Соответственно, эти «религиозно-философские системы включали в себя инструменты научного познания – рефлексии, логики, представлений о причинности, создав, тем самым, “методологическую матрицу” для накопления и обобщения эмпирического опыта и, в конечном счете, – создания науки» [14, с. 35].

Важнейшим этапом в процессе зарождения науки является появление письменности. Она возникла для кодифицирования мифологических и религиозных систем, а также для обеспечения политической, социальной, хозяйственной и бытовой деятельности древних обществ. Описывая информацию в символическом виде, письменность помогла отделить знание от обладающих им носителей. Она способствовала появлению знания, не зависящего от конкретного индивида, т. е. сделала его интересубъектным. Кроме этого развитие письменности, наряду с развитием межцивилизационных связей, позволило проводить сравнительный анализ религиозно-мифологических систем различных цивилизаций, а также различных систем обобщения практического опыта. Данные явления подверглись философской рефлексии и тоже способствовали выделению протонаучного знания в основных цивилизационных центрах.

Научному знанию, наряду с мифологическим и магическим восприятием мира, предшествует знание обыденное, которое представляет собой определенную совокупность правил, сведений, рецептов действий и поведения, определяемую структурами обыденного бытия. Обобщение и систематизации этого повседневного опыта и, как следствие, интересубъектизация обыденного знания способствовало зарождению науки.

И. Кант считал, что «обыденное знание именно лишь благодаря систематическому единству становится наукой, т. е. из простого агрегата знаний превращается в систему» [7, с. 486]. Под системой же И. Кант понимал «единство многообразных знаний, объединенных одной идеей» [7, с. 680]. Подобным образом понимает генезис науки исследователь традиционных культур Б. Малиновский, который, противопоставляя науку магии и религии, говорил: «...наука, даже представленная примитивными знаниями дикого человека, базируется на нормальном всеобщем опыте повседневной жизни, который приобретается в борьбе человека с природой за свои существование и безопасность, основывается на наблюдениях и фиксируется разумом» [11, с. 75]. Систематизированный опыт обыденного бытия в значительной степени противостоит мифологии и магии, предполагающих эмоциональное и целостное восприятие реальности. Он, наряду с их интересубъектной компонентой, является основанием для возникновения такого явления, как наука.

Мифологический вид мышления был достаточно эффективным до тех пор, пока взаимодействие происходило в непосредственном социальном окружении и ограниченном физическом пространстве. По мере усложнения социальных взаимодействий взгляд на мир через призму мифологии и достижение целей через магические ритуалы стали препятствием для дальнейшего развития социума. Это и обусловило дальнейшую разработку интересубъектного знания в

форме науки и развития специализированных прикладных дисциплин. Преодоление мифологии пошло по пути возникновения теоретических конструкций, которые появились лишь в нескольких цивилизациях.

Научное мышление, как вид осознания действительности, позволяющий более эффективно накапливать и распространять объективное знание, возникло в греческой, индийской и китайской цивилизациях: «Именно эти культуры определили магистральные направления мировой истории, а все остальные либо пошли по открытому ими пути, либо надолго остановились в своем развитии, либо вообще исчезли с исторической арены. Этим новым способом накопления и передачи опыта становится теоретическое знание и его исторически первая, наиболее древняя форма – философия» [10, с. 54].

В истории европейской цивилизации впервые в Древней Греции атрибутом научного знания стала считаться его логическая выводимость и истинность, которая предполагала достижение тождества со своим объектом. К подобному взгляду на научное знание древние греки пришли на основе анализа системы знаний Древнего Востока и, в частности, геометрических знаний, используемых в Вавилоне и Древнем Египте.

Часто знания были ложными и логически не доказанными, тем не менее, имея рецептурный характер, они достаточно эффективно применялись на практике. В результате анализа «было обнаружено, что наличие у знания таких свойств, как объектность и практическая полезность, отнюдь не только не гарантирует его объективную истинность, но, напротив, часто даже мешает ее достижению» [9, с. 31]. Это и определило взгляд на то, что истинность научного знания определяется его выводимостью из небольшого количества аксиом. Данные аксиомы должны представлять собой истины, которые очевидны для размышляющего субъекта. Они имеют априорное происхождение и определяются характером мышления.

По мере формирования науки, как самостоятельной формы знания, постепенно начинает снижаться интерес к мифологии и, соответственно, к магии, которая является ее практическим приложением. Говоря об Англии XVII в., Дж. Генри пишет: «...в конце XVII в. произошел ощутимый упадок магии. Под "упадком", конечно, имеется в виду упадок магии в качестве объекта для серьезных научных исследований и дискуссий. Если в народной культуре магические идеи продолжали процветать, то образованная элита резко утратила к ним интерес и стала рассматривать их как нечто, находящееся за гранью рационального» [4, с. 57]. Это связано с тем, что в данный период начала формироваться современная наука, занятие которой было доступным не многим. Если мифологическая картина мира представляет собой доступный каждому, узнаваемый, но расплывчатый образ, то научная картина мира – это логически связанная карта универсума. Создание теоретического видения мира требует систематических занятий и определенной подготовки с помощью такого специфического института социума, как образование. Упадок магии и мифологии в значительной степени был обусловлен возникновением intersubjectного ядра знания, появлением принципиально новых университетов и первых научных сообществ.

Наука возникла из представлений о мире как об упорядоченном бытии, для которого характерны циклически повторяющиеся процессы. Групповой и индивидуальный опыт индивида имеет теоретическое и прикладное значение

только в тех случаях, когда события и причинно-следственные цепочки повторяются. Только на основе обобщения регулярно происходящих и воспроизводимых процессов появляется возможность накопления и передачи опыта. В противоположном случае «в неупорядоченном, хаотическом мире, в котором все изменяется непредсказуемым, случайным образом, опыт, приобретенный здесь и сейчас, не может быть использован там и потом» [15, с. 17].

Обобщение и систематизация обыденного опыта, являясь предпосылками появления науки, также стали причинами модернизации архаичных представлений о мире. Вследствие этого процесса возникли развитые мифологические и религиозно-философские учения на базе узких родоплеменных представлений о мире в период становления ранних государств.

Миф в своей основе имеет эмоциональное восприятие реальности, апеллирующее к первичным рефлексам человеческого социального поведения. Во многом, вследствие этого, зародившееся в глубокой древности мифологическое мышление в своих разнообразных формах продолжает устойчиво сосуществовать с научным взглядом на мир. Общее происхождение данных форм осознания действительности привело к тому, что в дальнейшем наука и философия продолжали развиваться в тесном взаимодействии с мифологией, магией и религией. Эволюционная связь науки, мифологии и магии остается достаточно актуальной и сегодня. Она проявляется в виде постоянно возникающих паранаучных теорий и практик, которые являются переходной формой от мифов к теоретическому мышлению.

Наука как некая intersubъектная сфера знания синтезировалась, исходя из обобщения практического опыта и intersubъективизации мифологических представлений. Тем не менее потребность индивида видеть мер цельным не исчезла. Она является атрибутом мышления индивида и порождает групповое мифологическое мышление. Это является еще одной причиной, почему наука и мифология сосуществуют в индивидуальном и групповом сознании.

Актуализация мифологических представлений о мире в настоящее время произошла не случайно. Она закономерно возникла в ходе становления и развития глобализации, для которой характерно разрушение ясной и понятной картины универсума, сложившейся в предыдущие эпохи. Мир для индивидуума стал хаотичным и во многом непредсказуемым. Закономерности его развития, установленные во времена индустриальной и постиндустриальной эры стали, перестали отражать действительность. Все это привело к разрушению intersubъектного знания, полученного в предыдущие эпохи, и вызвало актуализацию мифологического сознания.

Кроме этого данное явление вызвано огромными изменениями в обществе под влиянием процессов глобализации. На фоне выдающихся достижений практически во всех областях науки и технологий общемировой тенденцией становятся процессы массового социального регресса и стагнации практически во всех сферах общественной и экономической жизни. Данные процессы происходят на фоне деструкции и распада ключевых социальных организаций индустриальной эпохи – систем массового и высшего образования, науки, здравоохранения, культуры и т. д. На обломках «социального государства» второй половины XX в. возникает так называемое «постнациональное государство». Оно

характеризуется тем, что, разрушая социальные структуры национального государства, перераспределяет выделившиеся ресурсы в пользу наднациональных, глобалистских экономических, социальных и политических организаций (такие, как ТНК, обслуживающие их крупные банки, наднациональные органы управления и т. д.). Функции национального государства начинают активно выполняться архаическими и примитивными социальными организациями, связанными с этническими, конфессиональными, криминальными и т.п. группами, фрагментирующими структуру общества. Так, на фоне ослабления нации, которая является политическим объединением граждан, в обществе начинают актуализироваться социальные общности, которые устойчиво существуют на базе этнокультурных связей и этнической мифологии.

Следует отметить, что ситуация социального регресса – не сумма случайных парадоксов, а объективная тенденция развития глобального социума. Социальная структура предшествующего индустриального общества в значительной степени сложилась под влиянием процессов научно-технического прогресса, основу которого составляли наука как актуальное социальное явление и научное мышление как способ осознания мира. Для роста экономики XIX–XX вв. требовались индивиды, социально адаптированные к наукоемкому индустриальному производству. В результате этого «задачи национального строительства и расширенного воспроизводства человеческого капитала потребовали небывалых в истории инвестиций в опережающее развитие социальной сферы (образования, науки, медицины, социального обеспечения и коммунальной инфраструктуры), по обороту и численности занятых сопоставимой с производственным сектором» [13, с. 174]. Стремительное развитие наукоемких технологий в XX в., поднимая эффективность мировой экономики, позволило направлять все большие ресурсы на очередной виток развития научного знания. В результате такого взрывного, автокаталитического развития научной и производственной сферы современное человечество достигло исторического максимума материального потребления. Научное мышление, которое в процессе своего развития объективировалось в форме новой техники и новых технологий, стало движущей силой социального развития, породив сначала индустриализм, а затем – глобализацию. Именно научное мышление дало возможность появиться глобальной, во многом искусственной среде, обеспечивающей жизнь более 6 млрд человек. Индустриальный рост экономики содействовал увеличению числа работников в научной сфере. Достижения науки способствовали тому, что социальные позиции ученых и исследователей стали престижными и начали пользоваться уважением в обществе. Структуры образования вовлекали в процесс обучения все большее количество учеников и студентов. Образование формировало у них научное мышление и научный взгляд на процессы, идущие в различных сферах общества, природы и искусственной среды, созданной человеком, а также на мир в целом.

Тем не менее в настоящее время научно-технический прогресс, достигнув своего максимума в определении процессов развития общества, стал стремительно терять влияние на жизнь социума. Это в значительной степени обусловлено тем, что достигнув «максимального темпа роста в середине XX в., к его концу научно-технический прогресс исчерпал свой социальный потенциал.

Отчасти это связано с объективным исчерпанием потенциала модернизации базовых индустриальных технологий, перехода от массового освоения революционных технологий (электрификация, авиация, ядерная энергия...) к их количественному улучшению» [13, с. 174]. Общество почти исчерпало возможности экстенсивного развития и подошло к очередной смене всего материального и социального уклада жизни.

Основываясь на научном знании индустриальной эпохи, именно научно-технический прогресс, предельно увеличивая производительность труда и выталкивая массы населения из системы производственных отношений, парадоксальным образом порождает явления социального регресса. Современное общество не нуждается в значительном количестве квалифицированных работников, которые в предыдущие эпохи готовила система образования индустриальной эпохи. Вследствие того, что отсутствуют институционализированные потребности в подготовке квалифицированных кадров, происходит разрушение системы образования, которая формирует у индивидов теоретическое осмысление действительности. Воспроизводство индивидов, обладающих научным мышлением, в значительной степени сужается из-за потери массовой социальной базы.

Характерная для глобализации скорость социальных перемен, вырывая из привычного образа жизни самые различные социальные группы и общности, способствует актуализации мифологического мышления, тесно связанного с религиозными и этническими идентичностями. Миф в подобной ситуации «призван вернуть человеку чувство эмоционального и интеллектуального комфорта и утешения посреди хаоса» [2, с. 55]. Он, оперируя ассоциациями, формирует «эмоциональное обобщение и создает определенный шаблон, в который укладываются все жизненные впечатления человека» [8, с. 34].

Актуализация мифологического сознания происходит в том случае, если разрушается упорядоченность бытия, что характерно для периода смены эпох. Нарушаются причинно-следственные цепочки, присущие окружающей реальности. Интерсубъектность знания исчезает. В данной ситуации только мифологическое эмоционально-образное мышление способно дать картину вновь возникающего мира.

Возникновение новых (как правило, уже не религиозных) мифов на протяжении всех эпох поддерживается постоянными изменениями в окружающем природном, материальном и социальном мире. Трансформации мира размывают его статичность и разрушают ощущения стабильности у индивидуумов. Адаптация в меняющемся целостном мире идет, прежде всего, на образном, интуитивном уровне, основанном на рефлекторном распознавании образов, связанных между собой неявным, эмоционально окрашенным образом.

В данной ситуации только мифологическое мышление успевает оперативно реагировать на происходящие изменения. Оно, рождая мифы, сохраняет мир единым и целым в восприятии индивида и группы, также живущей в этом мифе. На основе вновь рожденных мифов снова происходит интерсубъективизация знаний и генерируется новое объективное знание, более объективно описывающее новый возникающий мир.

Таким образом, исходя из анализа и обобщения различных взглядов на развитие науки, магии и мифологии, можно сделать следующие выводы:

1. Актуализация мифологических представлений в современную эпоху, возникшая на фоне кризиса научного взгляда на окружающую действительность, обусловлена, с одной стороны, генезисом и развитием науки. С другой стороны, этот процесс обусловлен социальными изменениями, вызванными в обществе процессами глобализации.

2. Мифология и магия являются групповой формой эмоционально-целостного способа осмысления и управления процессами универсума. Они формируют общий образный взгляд на реальность у индивидуумов. Мифология постоянно обновляет картину мира в зависимости от произошедших в нем изменений. Наука возникла в результате выделения и теоретического осмысления интересубъектного знания из мифологии и магии, а также из обобщения опыта практической жизни. Происхождение науки из мифологии обусловило их непрерывное взаимодействие в процессе их становления и развития. Наука в процессе своего развития постоянно выделяет из возникающих мифологических представлений универсальные знания о реальности и позволяет построить интересубъектную картину окружающего мира. Она, появившись в процессе теоретического обобщения эмоционально-целостного восприятия реальности, в свою очередь, воздействует на образное групповое сознание и способствует появления новых мифов.

3. Наука успешно развивается и функционирует в тех условиях, когда причинно-следственные цепочки остаются относительно неизменными и устойчивыми. Процессы идущей в настоящее время глобализации в значительной степени меняют картину реальности, сложившуюся в индустриальную и постиндустриальную эпоху. Смена эпох характеризуется изменением причинно-следственных цепочек и, соответственно, разрушением внутренних основ предшествующего научного знания. Тем не менее как групповому познающему субъекту, так и индивидууму необходимо иметь целостную картину универсума. В отсутствие ясной научной картины мира задача построения образа окружающей реальности ложится на мифологическое сознание. Оно постоянно создает образную картину меняющегося мира и тем самым основы для создания принципиально нового интересубъектного знания и появления нового типа науки.

Кроме этого в актуализации мифологии, идущей на фоне кризиса научного восприятия мира, существенную роль играют социальные причины. К ним можно отнести успехи научно-технического прогресса индустриальной и постиндустриальной эпохи, приведшие к резкому повышению труда практически во всех областях экономики. Это вызвало относительное снижение институционализированных запросов на использование и подготовку квалифицированных работников для значительного количества предприятий и организаций во всех сферах хозяйственной и социальной деятельности индивидуумов. Также к этим процессам надо отнести ослабление государства, соответственно разрушение нации и актуализацию этнокультурных общностей с присущими им мифологемами.

Все эти процессы, обусловленные как генезисом интересубъектного знания, так и процессами глобализации, меняющие современный социум, обусловили рост мифологических представлений о мире.

Список литературы

1. Della Porta G.V. *Natural Magick in Twenty Books*. London:, Printed for T. Young and S. Speed, 1658. 430 p.
2. Автономова Н.С. Миф: хаос и логос // *Заблуждающийся разум?: Многообразие вненаучного знания* / отв. ред. и сост. И.Т. Касавин. М.: Политиздат, 1990. С. 30–57.
3. Андреева Н.С. Магия – Ритуал – Миф в теориях культуры (Дж. Фрезер и Б. Малиновский) // *Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А.С. Пушкина*. 2018. № 3–1. С. 76–84.
4. Генри Дж. Включение оккультных традиций в натурфилософию раннего Нового времени: новый подход к проблеме упадка магии // *Государство, религия, церковь*. 2013. № 1 (31). С. 53–91.
5. Гесиод. *Полное собрание текстов* / пер. В.В. Вересаев. М.: Лабиринт, 2001. 256 с.
6. Гуцол С.Ю. Психология мифопорождения в современной культуре // *Дисс. ... д-ра психол. н. Киев*, 2015. 541 с.
7. Кант И. *Критика чистого разума*. М.: Мысль, 1994. 591 с.
8. Ким М.А. Мифологическое мышление в условиях символического потребления // *Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер.: «Философия. Психология. Педагогика.»* 2013. Т. 13, № 1. С. 33–36.
9. Лебедев С.А. Структура науки // *Вестн. МГУ. Сер. «Философия»*. 2010. № 3. С.26–50.
10. Липский Б.И. Возникновение науки и основные стадии ее исторической эволюции // *Мысль: журнал Петерб. Философ. общества*. 2008. Т. 7, № 1. С. 51–66.
11. Малиновский Б. Магия, наука и религия / пер. с англ. А.П. Хомика. М.: Академический проект, 2015. 298 с.
12. Мосс М., Юбер А. *Набросок общей теории магии* // *Социальные функции священного*. СПб.: Евразия, 2000. 448 с.
13. Сафонов А.Л. Глобализация и социальный регресс // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2013. № 4. С.173–178.
14. Сафонов А.Л. Осевое время-2: возвращение к истокам или погружение во тьму? // *Вестн. Бурят. гос. ун-та*. 2012. № 14. С. 34–42.
15. Степин В.С. *Теоретическое знание*. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
16. Фрезер Дж. *Золотая ветвь: Исследования магии и религии* / пер. с англ. М.К. Рыклина. М.: Академический проект, 2012. 256 с.
17. Ясперс К. *Смысл и назначение истории*. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
18. Яцуценко Ю.В. Практическая идея магии в «Пантеизме маннь» Марселя Мосса. // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: «Социология»*. 2015. Т. 15, № 2. С.36–48.

MYTHOLOGY AND GLOBALIZATION: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE REASONS OF MYTHOLOGICAL CONSCIOUSNESS REVIVAL IN SOCIETY

A.L. Safonov

Moscow Region State University, Moscow

The article examines the reasons for the revival of mythological ideas in society. It is aimed at the study of the dynamics of changes in society and the processes of interaction between myths and science, which led to the growth of mythological ideas about the surrounding reality. As a result, the mythological consciousness is interpreted as constantly updating the figurative collective picture of the world. Science arises on the basis of the constant selection of the newly emerging mythological representations of reality stimulating the production of its inter-subjectively valid knowledge. This is especially pronounced under the conditions when the usual causal relationships are destroyed. Globalization process also fosters the creation of new myths. They destroy a clear picture of the scientific world, weaken the state and the nation, reinforce the value of ethno-cultural communities. This leads to the actualization of ethnic myths and to the expansion of the mythological world visions. All this contributes to the overall mythologization of public consciousness.

Keywords: *myth, mythological consciousness, magic, crisis of science, development of science, ethnic myths, forms of thinking, globalization, picture of the world.*

Об авторе:

САФОНОВ Андрей Леонидович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского государственного областного университета (МГОУ), Москва. E-mail: zumsiu@yandex.ru.

Author information:

SAFONOV Andrey Leonidovich – PhD, Prof. of the Philosophy Department of Moscow Region State University, Moscow. E-mail: zumsiu@yandex.ru.